

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

Сборник 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1956

И. П. ШАСТИНА

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Н. Я. БИЧУРИНА ДЛЯ РУССКОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

Знаменитым русским синологом Н. Я. Бичуриным внесен большой вклад в изучение Монголии, и он по праву занимает выдающееся место в истории русского монголоведения первой половины XIX в. При этом следует подчеркнуть, что сам Бичурин не считал себя монголоведом, так как полагал, что необходимым условием для ориенталиста является знание языка того народа, изучением которого он занимается. Поэтому, зная монгольский язык в недостаточном объеме, он не называл себя монголоведом. Между тем он много и серьезно занимался историей монголов, считая, что прежде чем приступить к изучению истории Китая, необходимо ознакомиться, хотя бы в общих чертах, с историей и современным ему состоянием народов, населяющих Центральную Азию и являющихся непосредственными соседями китайского народа. Во времена Бичурина указанные вопросы были или совсем не изучены, или изучены недостаточно. Поэтому Бичурин и посвятил первые свои работы описанию Монголии и Тибета и взятым из китайских анналов материалам по истории монголов. Научное наследство Бичурина очень обширно. Им написано 15 больших монографий и много журнальных статей, рецензий, обзоров. Из этих 15 монографий 4 представляют собой книги о Монголии и истории монгольских народностей¹. Кроме того, этим же вопросам посвящены многие журнальные статьи, а последний труд жизни Бичурина — «Собрание сведений о народах обитавших в Средней

¹ Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов, т. I—II. СПб., 1828. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом. СПб., 1834.

Азии в древние времена» — также может быть отнесен к истории Монголии, так как в этом обширном труде собраны материалы по истории племен и народов, населявших Центральную Азию, в том числе и территорию Монголии.

Для того чтобы более точно выяснить значение для монголоведения работ Бичурина, постараемся в очень кратких чертах охарактеризовать состояние этой науки ко времени появления книг Бичурина. Запас сведений о Монголии в конце 20-х годов XIX в. был не так уж велик и обширен, хотя знакомство русской научной мысли с монгольскими народами началось более чем за сто лет до появления работ Бичурина. На недостаточности сведений о Монголии сказалось отсутствие ученых, посвятивших себя этой отрасли науки. Собрание доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайные этнографические наблюдения и записи монгольских обычаев и обрядов — вот тот уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в. Еще не было создано ни одного словаря, ни одного учебника для обучения монгольскому языку, еще не было сделано никакой попытки обрисовать его грамматический строй. Необходимость подобного рода работ только намечалась.

В опубликованных в XVIII и в начале XIX в. материалах о Монголии можно различить две линии, довольно четко выступавшие в возникшем и медленно развивавшемся монголоведении. Первая линия была связана с работами крупнейших ученых XVIII в., интересовавшихся историей монгольских народностей. К числу таких ученых относятся естествоиспытатель П. С. Паллас, историк и историограф Сибири И. Ф. Миллер, историк И. Г. Фишер, естествоиспытатель и географ И. Г. Гмелин. Вопросы монголоведения входили в сферу интересов этих ученых лишь постольку, поскольку они сталкивались с ними в процессе своей основной работы. Хотя некоторые из них уделяли Монголии и истории монгольских народностей довольно много внимания, их интерес был случайным. Никто из них не владел монгольским языком и не бывал в самой Монголии. Исключение, повидимому, составляет И. Г. Гмелин, знавший калмыцкий язык. Из работ ученых этой первой линии в монголоведении выделялся труд П. С. Палласа, известный под названием «Собрание исторических известий о мунгальских народах»¹. По поводу этого труда небезинтересно вспомнить

¹ P. S. Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. St.-Petersburg, 1776. Частично опублико-

мнение академика Б. Я. Владимирцова, писавшего: «Известная книга Палласа, несмотря на то, что содержит очень много интересного материала, требует постоянной проверки и самого осторожного отношения: Паллас был всецело в руках переводчиков и почти не имел возможности их контролировать»¹. Зависимость от переводчиков, часто далеко не квалифицированных, делала труды академических ученых XVIII в. недостаточно авторитетными. Кроме того, основное внимание в этих работах уделялось не собственно монголам, а монголоязычным народам (бурятам, калмыкам), с которыми и сталкивались в большинстве случаев вышеуказанные исследователи.

Вторая линия в монголоведении XVIII и первой четверти XIX в. связана с именами монголистов, знатоков монгольского языка и Монголии, которые в большинстве случаев не были учеными исследователями, но зато по характеру своей основной работы всегда сталкивались с вопросами монголоведения. К таким знатокам монгольских языков следует отнести Василия Михайловича Бакунина (умер в 1766 г.), Василия Игумнова и его сына Александра Васильевича Игумнова (1761—1835) и других. Хотя они мало печатались, но то, что было ими сделано, имеет значение для истории монголоведческой науки. Так, В. М. Бакунин, секретарь Коллегии иностранных дел, а впоследствии и член Коллегии, ездивший к Аюке-хану, составил на основании собственных наблюдений и использования калмыцких материалов весьма интересную работу «Описание калмыцких народов, особливо торгутского и поступок их ханов и владельцев». Это описание, составленное для нужд Коллегии иностранных дел, не было опубликовано при жизни автора, а увидело свет лишь в наше время². Не оставил печатных работ и другой знаток монгольского языка — Василий Игумнов, ездивший не раз через Монголию в Пекин и бывший приставом Российской духовной миссии. В. Игумнов отлично знал монгольский язык и проявил некоторое стремление к применению своих знаний не только в практической области. После него осталось несколько рукописей, в том числе статья под названием «Почему русские монгольской Куре называют

вано и на русском языке, см. П. С. П а л л а с. Собрание исторических сведений о монгольских народах. «С.-Петербургский вестник», 1778, ч. 1, январь-май; О разделении народов мунгальского поколения, см. «Месячник истории и географии на 1797 год», стр. 51—83.

¹ Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 24.

² В. Б а к у н и н. Описание калмыцких народов. «Красный Архив», 1939, № 3, (94).

Ургою кутухтинскую»¹. В этой статье давалось объяснение русского названия «Урга», не существовавшего у монголов.

Среди монголистов конца XVIII—начала XIX в. особенного внимания заслуживает Александр Васильевич Игумнов, не только отличный знаток языка, но большой энтузиаст в деле собирания монгольских рукописей и материалов. А. В. Игумнов первый из монголистов начал собирать материалы для монгольско-русского словаря, названного им «Корнеслов». Эта работа не была им доведена до конца, но собрано было много лексического материала. Позже Игумнов передал часть материалов своему ученику О. М. Ковалевскому. А. В. Игумнов из собранных обширных материалов опубликовал очень немногое. В одной из своих работ он пытался обобщить сведения о Монголии², но эта попытка была сделана на еще недостаточно высоком уровне.

К 20-м годам прошлого столетия в монголоведении появляется новая, довольно крупная фигура — Исаак Якоб Шмидт, впоследствии (с 1829 г.) академик, оставивший заметный след в науке как монголовед и как тибетолог. О Шмидте можно сказать, что он был ученым по призванию. Сын разорившегося купца в Амстердаме, он отправился ради коммерческих дел в Россию, где попал в калмыцкие степи. Там пробыл он несколько лет и сумел хорошо изучить язык калмыцкого народа, узнать жизнь и быт его. Санкт-Петербургское библейское общество, казначеем которого он состоял, поручило ему, как знатоку языка, работу по переводу евангелия на монгольские языки для миссионерских нужд. В 1819 г. Шмидт оставил свои торговые дела и всецело занялся изучением монгольских, а впоследствии и тибетских материалов. Работа Шмидта в Библейском обществе определяла его социальное лицо и, несомненно, помогла ему в дальнейшей академической карьере. Он был представителем так называемой немецкой школы и к тому же свысока и нетерпимо относился к русской науке, оценивая ее с реакционных позиций³. Выступив с первыми работами по монголоведению на несколько лет раньше Бичурина, Шмидт был признан знатоком Монголии, несмотря на

¹ Н. И. Веселовский. Материалы для истории Русской духовной миссии в Пекине, вып. I. СПб., 1905, а также Н. Щ у к и н. Александр Васильевич Игумнов. «Сын Отечества», 1838, т. II, отд. III.

² А. Игумнов. Обзорение Монголии. «Сибирский вестник», 1819, ч. 5. и 6.

³ А. Ю. Якубовский. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. Сб. «Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, стр. 45.

то, что работам его была свойственна определенная ограниченность в постановке вопросов и недостаточная тонкость в знании языка. Шмидт был лишен исторического подхода к языку и пытался переводить древние и средневековые тексты, зная лишь современный ему монгольский язык. Оценивая общее состояние монголоведения ко времени появления работ Бичурина, следует отметить, что уровень работ по истории и географии Монголии не выходил за пределы сбора материалов.

На этом фоне появление работ Н. Я. Бичурина и книги Е. Ф. Тимковского¹, связанной в исторической части с материалами Бичурина, было значительным явлением в монголоведении. Нельзя не отметить, что современная Бичурину наука высоко ценила его труды. Вот как оценивал работы Бичурина крупнейший монголовед первой половины XIX в. О. М. Ковалевский: «Несколько сочинений Иакинфа, как-то: описание Чжунгарии, История первых четырех ханов, История Тибета и Кукунора были дорогими подарками для любителей и изыскателей географии и истории Азии»².

Известный журналист и историк Николай Полевой также дал высокую оценку трудам Бичурина. Он писал по поводу выхода в свет книги «Описание Чжунгарии»: «Какая драгоценность и какого уважения достоин почтенный соотечественник наш за такие труды . . . Превосходно зная историю и географию Средней Азии о. Иакинф выбирает именно те предметы, которые всего более возбуждают наше любопытство и всего менее нам, европейцам известны»³.

Несмотря на скудость и недостаточность сведений по монголоведению, в ориенталистической науке уже был поставлен ряд вопросов, связанных с историей и этногенезом монголов.

Создание истории монголов являлось одной из задач, которую следовало разрешить востоковедной науке. В эту задачу входило и решение вопроса об этногенезе. «История должна решить вопрос, какие племена искони обитали в Азии; раскрыть их судьбу, взаимное борение и конец, когда они уподоблялись волнам, поглощающим друг друга без малейшего изменения поверхности бурного океана»⁴, — говорил О. М. Ковалевский.

¹ Е. Ф. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 годах. Т. I—III. СПб., 1824.

² «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград». СПб., 1849, стр. 94.

³ «Московский телеграф», 1829, февраль, стр. 532—543.

⁴ Ковалевский. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная на торжественном акте в Казанском университете в 1837 году. ЖМНП, ч. XVI, 1837, № 11, стр. 267.

Труды Бичурина по монголоведению и явились ответом на эти вопросы. Он не только разрешал задачи, поставленные современной наукой, но и ставил новые. В частности, для своих монголоведческих работ он поднял китайские источники, собрал и перевел на русский язык такие материалы, которые и до настоящего времени не утратили своего значения, хотя после их опубликования прошло уже более ста лет. Своими публикациями «Записок о Монголии», «Истории первых четырех ханов из дома Чингисова», «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии», Бичурин давал материалы для создания более подробной истории монголов, для разработки вопросов этногенеза монгольского народа. Подбором нужных сведений и переводов из китайских материалов, освещавших эти вопросы, отвечал Бичурин на требования современного ему монголоведения. Основной материал для своих работ о Монголии и монголах Бичурин черпал из китайских источников, но непосредственное знакомство с монгольской страной, хотя и не столь основательное, как с Китаем, много помогало ему в его работе. Назначение Бичурина начальником Российской духовной миссии в Пекине и предстоящая длительная поездка на Восток через Монголию, по его собственному признанию, чрезвычайно «восхищала» его. Он приготовился вести подробный дневник своего путешествия и предполагал составить весьма обширное описание Монголии — страны, «которую хотя многие знают по описанию, но немногие видали своими глазами»¹. Бичурин ценил и впечатления, полученные от путешествия по неизвестной стране, и сведения, полученные от жителей этой страны. Ему мешало незнание монгольского языка, он начал было изучать его дорогой, но по приезде в Пекин, пораженный и увлеченный Китаем, он с какой-то неукротимостью принялся за изучение китайского языка. Первоначально он предполагал также изучать маньчжурский и монгольский языки, но выяснив, что литература на том и другом языках во многом является переводом с китайского, он оставил свое намерение. Образцов монгольской литературы Бичурину, по собственному его признанию, не приходилось видеть во время пребывания в Китае². Впоследствии, в период поездок в Кяхту в 1831 и в 1835 г., ему снова пришлось столкнуться с монгольским языком, и он старался пополнить свои знания. В результате он, при помощи монгольского переводчика, повидимому,

¹ «Записки о Монголии. . .», стр. V.

² Там же, стр. 208.

учителя кяхтинской школы Ванчикова, перевел на русский язык монголо-китайский словарь, расположив в нем слова в порядке монгольского алфавита. Словарь был ему нужен для справочной работы. О составлении этого словаря упоминали биографы Бичурина¹. К сожалению, до сих пор неизвестно, где находится рукопись словаря. Академиком С. А. Козиним, занимавшимся изучением рукописного наследства Бичурина, было установлено, что этот словарь был передан автором в 1849 г. в дар Казанской духовной академии². Специально производивший розыски рукописей Бичурина советский китаист А. А. Петров не обнаружил словаря в Центральном Архиве ТАССР³. Дальнейшие поиски также ничего не дали.

В архиве Бичурина, хранящемся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения, имеется также документ с географическими названиями, сделанными по-монгольски им самим⁴.

В 40-х годах при содействии Бичурина было опубликовано также несколько статей о ламаизме, представлявших собой переводы с монгольского. Повидимому, Бичурин редактировал эти переводы.

Монголия же, особенно история монголов, как уже отмечалось, не только не выпала из круга его научных интересов, но и продолжала оставаться темой, к которой он неоднократно возвращался.

В «Записках о Монголии» Бичурин блестяще решил задачу — дать возможно более полное, основанное на достоверных сведениях, описание Монголии. Он разделил книгу на четыре части. Хотя говорить о географической изученности Монголии было еще преждевременно, все же Бичурин старался дать краткую географическую характеристику страны, а также передать свои впечатления от путешествия через эту своеобразную и привлекательную для географа страну. Поэтому Бичурин первую часть «Записок» отводит дневнику, который он вел

¹ Н. Ш у к и н. Иакинф Бичурин. ЖМНП, 1857, сентябрь, отд. 5, стр. 120; М. П. П о г о д и н. Биография отца Иакинфа Бичурина. «Беседы общества любителей российской словесности при Московском университете», 1871, вып. 3, стр. 67.

² С. А. К о з и н. О неизданных работах Бичурина. «Известия Академии наук». Отдел гуманитарных наук, 1929, № 5.

³ А. А. П е т р о в. Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве ТАССР и в Библиотеке Казанского университета. «Библиография Востока», 1937, № 10, стр. 13.

⁴ Сектор восточных рукописей, ИВ АН СССР. Архив востоковедов, фонд 7, оп. № 38. П 21, л. 144.

во время переезда из Пекина в Кяхту в 1821 г. Дневник же, который он вел в 1807 г., когда впервые увидел Монголию, он не считал возможным опубликовать, считая, что из-за незнания монгольского языка он сделал в этом дневнике «поверхностные заключения» о стране. В предисловии к «Запискам о Монголии» Бичурин писал, что он «на собственном опыте убедился, что путешественнику, не знающему языка обозреваемой им страны, почти невозможно избежать ошибочных над нею замечаний»¹. Поэтому автор поместил в первой части «Записок . . .» дневник уже многознающего и многоопытного ориенталиста, регистрирующего факты и отбирающего из своих наблюдений то, что не только может представлять интерес для читателя, незнакомого со страной, но и то, что достоверно и проверено.

Наибольший интерес для исследователя представляет II часть этой книги, содержащая «статистическое описание Монголии». Под статистическим описанием в современной Бичурину науке подразумевалось географическое, экономическое, политическое и историческое описание страны и анализ этих сведений. В географическом отношении Бичурин разделил Монголию на три части — южную, среднюю и северную и дал суммарное описание каждой. Этим он подытожил собранные до него географические описательные сведения, что явилось известным шагом вперед в истории предварительного географического изучения страны. Для нас наиболее интересными представляются его высказывания об исторической судьбе монголов. Уже в этой первой книге Бичурин оспаривал мнение западноевропейских ориенталистов, в частности реакционного востоковеда Клапрота, о происхождении монголов. Этот спор продолжался затем в течение всей жизни Бичурина. Заняв критическую позицию по отношению к западноевропейским ориенталистам, Бичурин в «Записках о Монголии» писал: «Ныне многие ученые в Европе занимаются исследованием происхождения народов, населявших, по их мнению, и населяющих Монголию; но они, не зная основательно ни народа, ни его истории, принимают при сем исследовании ошибочное положение, по которому необходимо должно судить о всем по одним догадкам поверхностно и наконец остаться в недоумении. Почти каждое усилившееся поколение почитают они за особый народ, отличный от прочих поколений и по происхождению и по языку. Вот в чем состоит самая важная погрешность их»².

¹ «Записки о Монголии. . .», стр. VI.

² Там же, стр. 157.

Выступив с подобного рода заявлением, Бичурин противопоставил мнению европейских ученых свое собственное, считая, что монголы издавна населяют Центральную Азию (или по терминологии того времени Среднюю Азию), но название свое получили лишь в XIII в. от «владельческого дома». Таким образом, Бичурин разделил вопрос о происхождении монголов на две части — об этническом их происхождении и о происхождении названия «монгол». Следует отметить, что подобный подход к проблеме происхождения монголов был шагом вперед в развитии монголоведческой науки¹. Оба эти вопроса явились актуальными проблемами для того времени, и впоследствии многие монголоведы пытались разрешить их.

Единственным источником для решения вопроса об этническом происхождении монголов Бичурин считал материалы китайских летописей, а единственным методом — тщательное и добросовестное их изучение и анализ китайских терминов. На основании изучения китайских летописей он утверждал, что «начало монгольского народа восходит слишком за 25 столетий до Р. Х.». Этой точки зрения Бичурин держался в течение всей жизни и высказал ее впервые в «Записках о Монголии», доказывая «единство монгольского народа и в самой древности»², так как «разные монгольские поколения и прежде назывались общими именами: Татанцев, Киданей, Хойхоров, Тулгасцев, Сямьбийцев, Хуннов и пр.»³. Он подтвердил эту мысль через 20 лет в специально посвященной этой проблеме статье под названием «Кто таковы были монголы?», вошедшей затем в его книгу «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии». В этой статье Бичурин дал анализ китайских источников, разделив их по характеру и значению на три основных категории — династийные истории, государственная статистика и государственная летопись. Определив характер каждой источниковедческой категории, Бичурин выбрал из них нужные сведения о монголах и пришел снова к своему первоначальному выводу о древности монгольского народа: «Итак, происхождение монгольского народа и Дома Монгол, от которого сей народ получил народное название, суть две

¹ А. Н. Бернштам в своей статье «Н. Я. Бичурин и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» — высказал мнение, очень близкое к данному положению. Он писал: «Указание на различное происхождение имени народа и самого народа говорит о первом отдаленном приближении Бичурина к правильной постановке проблем этногенеза». См. вводящую статью А. Н. Бернштама в книге Н. Я. Бичурина «Собрание сведений. . .», изд. 2, 1950, стр. XXXIX.

² «Записки о Монголии. . .», стр. 159.

³ Там же, стр. 157.

вещи совершенно различные. Начало монгольского народа восходит слишком за 25 столетий до Р. Х. Дом Монгол, напротив, возник в начале IX в., усилился в начале XII, основал Монгольскую империю в начале XIII в.»¹

Переводы китайских текстов, подобранные им в книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», дают не мало материалов, подтверждавших его точку зрения. Он решал этот вопрос вполне на уровне науки того времени. Понимая всю сложность и запутанность проблемы происхождения монгольского народа, Бичурин мог руководствоваться только китайскими источниками. Ни археология, ни антропология в то время еще не могли дать сведений, необходимых для решения данной проблемы. Поэтому Бичурин решал ее средствами ему доступными — изучением китайских материалов, что, как показало дальнейшее изучение данного вопроса, явилось большим вкладом в монголо-ведческую науку. Ведь и в наше время, когда проблемы этногенеза решаются в методологическом всеоружии знаний, когда для решения этих проблем привлекаются проверенные материалы ряда наук, мы все же еще не можем окончательно решить вопрос о происхождении монгольского народа и при попытках решения его неизменно обращаемся к китайским источникам, столь добросовестно подобранным и переведенным на русский язык Н. Я. Бичуриным. Заслуга Бичурина не только в подборе материалов, но и в попытке решения этой проблемы. Он исходил из положения об единстве племен, об единстве их культуры, их генетической связи. В свете современного нам уровня науки это, конечно, является недостаточным, но для времени Бичурина такой подход был шагом вперед. И так как проблема происхождения монгольского языка в те времена еще не была поставлена, то труды Бичурина в этом направлении представляли большую научную ценность.

Небезинтересно отметить, что Бичурин также пытался определить, какими методическими средствами руководствуется наука в изучении проблем этногенеза. Он считал, что западно-европейская наука при решении вопроса о происхождении монголов руководствовалась тремя «принципами»: «Словозвучие, вероятность и авторитет, которые в продолжение двух столетий служили верными путеводителями при разрешении подобных вопросов»², так не без ядовитости писал он. Сам

¹ Н. Я. Б и ч у р и н. Кто таковы были монголы? «Москвитянин», 1850, № VI, стр. 91.

² Там же, стр. 86.

он противопоставлял этим «трем принципам» — добросовестность в изучении и достоверность знания. А это, конечно, уже много.

Бичурин коснулся также еще одного животрепещущего вопроса, связанного с этногенетическими проблемами, вопроса, который занимал внимание историков первой половины XIX в., — кто были татары XIII в. Он посвятил этому небольшую главу в своих «Записках о Монголии», в которой старался объяснить происхождение названия «татар» от «татань», китайского наименования всех поздних монгольских племен. Бичурин осторожно высказывал только свои предположения о том, каким образом наименование «татар» осталось в названии современного татарского народа.

Бичурина интересовали не только вопросы этногенеза и истории монголов, но и вопросы современного состояния монгольского народа. Освещению этих вопросов он посвятил вторую часть своих «Записок о Монголии» и в качестве материала, иллюстрирующего современность привел в четвертой части книги перевод последнего доступного ему издания Монгольского уложения, которым руководствовалась маньчжурская династия при управлении монголами. Это Уложение дает богатый материал для изучения социального строя монголов в маньчжурский период.

Не менее крупной заслугой Бичурина являются сделанные им переводы частей, относящихся к истории монголов, из китайских летописей Юань-ши и Тун-цзянь ган-му. При выборе материалов из этих двух летописей Бичурин ограничил себя хронологическими рамками. Он выбрал лишь сведения, относящиеся к Чингису, Угэдэю, Гуюку и Мункэ. Поэтому и назвал свою книгу «Историей первых четырех ханов из дома Чингисова»¹.

Книга эта представляет собой перевод обдуманно выбранных извлечений из летописей, служащих материалом по раннему периоду истории монголов. Ограничение сведений только временем правления первых четырех ханов диктовалось твердым убеждением Бичурина в том, что после смерти Мункэ произошел распад Монгольской империи. Владычество монголов в Китае, установление Юаньской династии представляло уже новую страницу в монгольской истории. Опубликованные Бичуриным переводы до сих пор являются единственными переводами на русский язык этих ценнейших источников.

¹ История первых четырех ханов из дома Чингисова. Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829.

Историк Монголии не может пройти мимо них, и каждый, кто писал о монголах XIII—XIV вв., в той или иной мере их использовал.

Книга «Записки о Монголии», так же как и другие работы Бичурина, относящиеся к Монголии, неоднократно рецензировались в современной ему печати. Большинство отзывов были положительными и часто хвалебными, за небольшими исключениями. К числу неблагоприятных отзывов принадлежат рецензии Ю. Клапрота. С Клапротом у Бичурина шел спор не только по вопросу о происхождении монголов, но и по многим другим. Спор начался с перевода Клапротом на французский язык книги Тимковского «Путешествие по Монголии». Переводя эту талантливую книгу, Клапрот внес в нее ряд исправлений и замечаний, часть которых адресовал Бичурину, снабдившему, как известно, Тимковского историческими материалами и переводами с китайского. Клапрот якобы обнаружил в этих переводах, по его словам, «важные неточности». Эти замечания Клапрота вызвали со стороны Бичурина рецензию на французский перевод книги Тимковского. В своей рецензии Бичурин весьма резко отозвался об исправлениях Клапрота, которые действительно показывали недостаточное знание китайского языка этими учеными и поэтому в большинстве случаев были неточны и неверны.

Впоследствии Клапрот не пропускал ни одной книги Бичурина, чтобы не обрушиться на нее с резкой и часто несправедливой критикой, в которой нередко занимал высокомерную позицию по отношению к русским востоковедам. В то же время он использовал материалы книг Бичурина для своих работ, «умножая свои труды»¹ за счет русского исследователя. Бичурин, защищая приоритет русской науки в изучении истории народов Центральной Азии, с другой стороны, коренным образом расходясь во взглядах с Клапротом по основным вопросам истории этих народов, в особенности их этногенеза, — резко выступал против Клапрота, не прощая ему ни одной ошибки или неверного замечания. Такая литературная борьба между Бичуриным и Клапротом длилась в течение всей жизни обоих ученых и по меткому выражению биографа Бичурина «укоризны между обоими ориенталистами превратились в личность»². Дело, конечно, было не в личной неприязни, а в тех принципиально отличных друг от друга позициях, на которых

¹ Л. В. Симоновская. Бичурин, как историк Китая. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», 1948, вып. 7

² Н. Щ у к и н. Иакинф Бичурин, ЖМНП, 1857, № 9, стр. 121

находились Бичурин и Клапрот. Один был не только крупный талантливый ученый, но и прогрессивный, передовой русский ученый, другой же, при немалом даровании, был человеком беспринципным, не даром же Клапрот в 1812 году был исключен из состава Академии наук за недостойное поведение¹. В разнице принципиальных позиций и следует искать причины споров между ними.

Основным расхождением являлся вопрос об этническом происхождении народов Центральной Азии. Клапрот, придерживаясь взглядов Дегиня, развивал теорию о тюркском происхождении ряда народов, а Бичурин, как уже говорилось выше, придерживался взглядов о монгольском их происхождении. Другим пунктом расхождения являлся вопрос о правописании собственных монгольских имен и географических названий. Клапрот обвинял Бичурина в искажении их правописания потому, что тот использовал якобы несовершенный исторический словарь терминов, изданный во время правления Цянь-Луна. Бичурин же, защищая от нападок Клапрота этот словарь, отмечал его достоинства, состоявшие в том, что все термины в этом словаре были даны на трех языках — маньчжурском, монгольском и китайском, причем китайскими иероглифами было дано наиболее фонетически близкое произношение монгольских собственных имен и географических названий. Бичурин дал резкую отповедь Клапроту, уличив его в недостаточном знании китайского языка и, по существу, в полном незнании монгольского, тибетского и турецкого языков, о которых тот брался судить. Н. Я. Бичурин писал, что Клапрот «обвиняет единственно потому, что не первый сообщил Европе сведения об этом. По решительному тону, с каким Клапрот изъясняется, может быть, некоторые заключат, что он имел обширные сведения в языках Восточной Азии. Совсем напротив. Г-н Клапрот довольно сведущ в языке китайском и переводит с оного изрядно, а особенно статьи, переведенные прежде него другими. Что же касается до языков Монгольского, Тибетского и Турецкого, все его сведения в сих языках состоят в том, что он может по складам разбирать некоторые слова, дабы при случае прицепиться к какому-либо выражению, употребленному ученым ориенталистом и опровергнуть его своими пустыми возражениями»².

Только об одной книге «Записки о Монголии» Клапрот писал в трех журналах, на что Бичурин отвечал сначала на

¹ Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg, vol. VIII. St.-Petersbourg, 1822, str. 7.

² «Московский телеграф», 1831, ч. 39, № 9, стр. 87.

русском языке, затем на французском, издав свои ответы отдельной брошюрой¹. Как ни пытался Клапрот опорочить эту книгу, прибегая к методам фальсификации, искажения, мелких придирок, книга Бичурина вызвала к себе большое внимание современников как в научных, так и в литературных кругах. Не только многочисленные рецензии свидетельствовали об успехе этой книги Бичурина и последующих его работ о Монголии; факт перевода на французский и немецкий языки его «Записок о Монголии» и перевода «Описания Чжунгарии» на немецкий язык подтверждал тот большой интерес, который проявлялся к работам русского востоковеда. Недаром Д'Оссон, наиболее значительный из буржуазных востоковедов-историков, занимавшихся историей монголов, широко использовал в своей известной «Histoire des Mongols» труды Н. Я. Бичурина. Оценивая значение работ Бичурина, небезинтересно припомнить отзыв О. М. Ковалевского, данный им более чем через 20 лет после опубликования «Записок о Монголии», в спокойных, но лестных выражениях: «Издание Записок о Монголии в 1828 году, особенно исторической их части, открыло перед нами много фактов, доселе неизвестных или превратно понимаемых из жизни монгольского народа, возвестило как мы должны смотреть на различные названия племен Средней Азии»². Таков отзыв всеми признанного специалиста. И если для своего времени книга Бичурина считалась новой и свежей в отношении фактических сведений о Монголии, то для нашего времени она служит одним из тех источников по маньчжурскому периоду в истории монгольского народа, на который можно уверенно опереться в наших работах.

Н. Я. Бичурин не раз выступал в защиту русского монголоведения, борясь против некоторых попыток иностранных ученых, в том числе и находившихся на службе в России, принизить достоинство русской науки. В этой связи и следует рассматривать споры, возникшие между Н. Я. Бичуриным и И. Я. Шмидтом. Первый спор возник по поводу перевода надписи на знамени «Чингисовом камне», наиболее древнем образце монгольской письменности. Камень этот был продемонстрирован на выставке «Произведений отечественной промышленности» в 1839 г.

Рядом с камнем были выставлены два варианта перевода надписи. Первый вариант принадлежал Шмидту, другой —

¹ Observations sur les traductions et les critiques littéraires de M. de Klapproth par le R. P. Hyacinthe Bitchourine. СПб., 1829.

² «Восемнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград», стр. 94.

учителю кяхтинской школы Ванчикову. Последний передал его Бичурину, в то время когда тот приезжал в Кяхту в 1835 г. Мысль выставить оба перевода принадлежала председателю Комитета по устройству выставки С. Комарову. Шмидт, узнав об этом, чрезвычайно обиделся. Он решил, что кто-то посмел корректировать его перевод, заподозрил Бичурину в намерении скомпрометировать его и опубликовал в адрес Бичурина негодующее и дерзкое письмо, в котором нарочито старался очернить знания последнего. Он считал, что Бичурин хотел «вступить с ним в совместительство» и яростно защищался, хотя на него никто не нападал¹.

На оскорбительное письмо Шмидта Бичурин ответил не сразу, а только тогда, когда друзья указали ему на то, что его молчание будет истолковано как слабость или знак согласия. Тогда Бичурин выступил в печати с коротким и вежливым письмом, в котором постарался развеивать области научных занятий своих и Шмидта. Он писал: «Пути, избранные мною и г. Шмидтом, совершенно различные: он занимается исключительно монгольским и тибетским языками, я исключительно китайским; посему я не могу взять на себя критику перевода с монгольского языка по той же причине, почему г. Шмидт не возьмет на себя критику перевода с китайского»². После такого ответа Шмидт замолчал.

Второе столкновение между Бичуриным и Шмидтом произошло также по поводу монгольской эпиграфики. Это был известный спор, наделавший много шума в ориенталистике 40-х годов прошлого века, по поводу надписи квадратными монгольскими буквами на серебряной пайдзе, найденной в 1846 г. в Минусинском округе. Сущность спора сводилась к следующему: перевод надписи, выполненный архимандритом Аввакумом Честным и изданный В. В. Григорьевым с комментариями, подвергся жестокой критике со стороны академика И. Я. Шмидта. Шмидт оспаривал правильность перевода Аввакума и критиковал теорию происхождения квадратной монгольской письменности, выдвинутую Григорьевым. Теория Григорьева была ошибочной и истроенной на неверном переводе слова «монкэ», собственным именем Монкэ-хана, а не эпитетом «вечный». Шмидт в своей критике не только опровергал ошибку Григорьева, но и задевал при этом его достоинство, как русского ученого, что вызвало ответ Григорьева с критикой перевода, предложенного Шмидтом и содержавшего наряду с пра-

¹ Я. Ш м и д т. О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана. «С.-Петербург. ведомости», 1839, № 224.

² «Отечественные записки», 1839, т. VII, отд. «Смесь», стр. 32.

вильными разъяснениями, также и неверно понятое слова. В ответ на эту статью Шмидт ответил второй, в которой еще более резко и высокомерно высмеял знания и труды русских востоковедов. Он преследовал цель «обличения нашего невежества не перед Россией, а перед глазами Европы», — писал ему в ответ Григорьев¹. Спор о надписи принял, таким образом, глубоко принципиальный характер. Это был спор между двумя различными позициями в науке, спор между передовыми представителями русской науки с реакционным представителем немецкой школы, царившей в те времена в Академии наук. Бичурин не мог пройти мимо этого спора и вступился за Григорьева, вернее он вступился за достоинство русской науки. Он опубликовал свою статью по этому поводу в той же книжке «Финского вестника»², в которой Григорьев поместил свой второй ответ Шмидту. В этой статье Бичурин очень выразительно охарактеризовал отношение некоторых реакционных ученых к русскому отечественному востоковедению. Почти все биографы Бичурина и исследователи его научного наследства цитируют эти слова, но слова эти настолько значительны и интересны, что не мешает еще раз остановиться на них наше внимание. Бичурин писал с горечью и досадой: «Привычка руководствоваться чужими, готовыми мнениями, неумение смотреть на вещи своими глазами, неохота справиться с источниками, особенно изданными на отечественном языке: своему-то как-то не верится: то ли дело сослаться на какой-нибудь европейский авторитет, на какого-нибудь иноземного писателя, хотя тот также не имел понятия о деле»³.

Вступившись за достоинство русской науки, Бичурин считал своим долгом поддержать перевод Аввакума и доказывал, что слово «монкэ» может быть переведено и собственным именем, так как оно помещено на пайдзе выше обычной строки. Он сослался при этом на аналогичные случаи при написании китайского титула «фы-тхьянь-юнь»⁴. И хотя Бичурин поддерживал, как это было выяснено впоследствии Доржи Банзаровым, неточный перевод Аввакума, но его аргументация и аналогии с китайскими надписями были вполне допустимы, так как уровень знаний по восточной палеографии тогда еще не был

¹ В. В. Григорьев. Второй ответ акад. Шмидту на его замечания о монгольской надписи времен Монкэ-хана. «Финский вестник», 1847, № 5, стр. 7—16.

² Замечания по поводу спора о монгольской надписи времен Монкэ-хана. «Финский вестник», 1847, т. 17, № 5, стр. 17—20.

³ «Финский вестник», 1847, т. 17, № 5, отд. IV, стр. 17.

⁴ «Финский вестник», 1847, т. 17, № 5, отд. IV, стр. 17.

достаточно высок. Этот спор о надписи на Минусинской пайдзе был решен уже после смерти Шмидта, когда в Петербурге появился молодой, талантливый монголовед Доржи Банзаров.

В продолжение своей научной жизни Бичурин много раз выступал с рецензиями на работы по монголоведению. В основном его критические замечания сводились к устранению фактических неточностей. Он ратовал за достоверность изложения исторических фактов, за правильное употребление географической номенклатуры. Даже для литературных произведений он требовал точности исторических фактов. В этом отношении определенный интерес представляет его рецензия на любопытное литературное произведение «Шесть сцен Олонского пастуха», в которых изложена история Чингис-хана. Рецензия Бичурина написана в доброжелательном тоне и содержит ряд исторических справок о тех или иных персонажах монгольской истории. Разъясняя неправильное написание собственных имен и трудность установления того, кому они принадлежат, Бичурин не без иронии добавлял о некоторых из них, что «кто таковы были Пурджу и Могли, это и Копенгагенское общество древностей едва ли может пояснить в продолжение целого столетия»¹.

Известны рецензии Бичурина на «Историю Русского народа» Полевого, на статью Устрялова о «Покорении Руси монголами». В этих рецензиях Бичурин вносит ряд коррективов на основании превосходного знания фактов истории монголов.

Вот примерный объем работ и трудов Бичурина, связанных с областью монголоведения. Он, как можно видеть, обширен и значителен.

В заключение следует еще раз отметить, что обширные труды Бичурина явились крупным вкладом в развитие русского монголоведения. Его заслуги состоят прежде всего в том, что он ввел в научный оборот ряд новых китайских источников по истории монголов, а также обработал и перевел эти источники с китайского языка на русский. Заслугой Н. Я. Бичурина было и решение ряда принципиальных проблем, причем решение это обеспечивало дальнейшее развитие монголоведения.

¹ «Москвитянин», 1844, ч. 2, № 4, стр. 335.